

Кристина Михайловна МАРШАНИЯ¹
Ольга Михайловна УШАКОВА²

УДК 821.111

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФЕЛИНОФИЛИЯ И АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ РАКУРСЫ МОДЕРНА (Т. ГОТЬЕ, ДЖ. ДЖОЙС, Т. С. ЭЛИОТ)

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
christy-m@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0218-0079

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
olmiva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0656-3774

Аннотация

Для каждой литературной эпохи характерны определенные модели литературной анималистики со своими смысловыми акцентами и символикой, типами коммуникации «человек — животное», жанровыми предпочтениями. В статье рассматриваются особенности литературной фелинистики эпохи модерна, выясняются культурные и социальные причины художественной фелинофилии. Материалом исследования стали три текста, написанные в период с 1869 по 1939 г., рассматриваемые как в широком культурном контексте Нового времени, так и в границах своего времени (модерн): «Домашний зверинец» (*“Ménagerie intime”*, 1869) Т. Готье, «Копенгагенские коты» (*“The Cats of Copenhagen”*, 1936) Дж. Джойса и «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» (*“Old Possum’s Book of Practical Cats”*, 1939) Т. С. Элиота. В ходе нашего исследования мы опирались как на историко-литературные работы, посвященные анализу конкретных анималистических образов, труды культурологического характера, а также обращались к опыту структуралистских исследований и идеям нового

Цитирование: Маршания К. М. Литературная фелинофилия и анималистические ракурсы модерна (Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот) / К. М. Маршания, О. М. Ушакова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 1 (25). С. 106-127.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

постгуманистического знания (*Human-Animal Studies*). Анималистические тексты Готье — Джойса — Элиота объединяют не только действующие персонажи-кошки, но и определенные художественные ракурсы, сходные типы взаимоотношений «человек — животное», социальный и культурный контексты, в которых репрезентированы их герои. Фелинные персонажи Готье — Джойса — Элиота имеют много общего: это антропоморфные обитатели урбанистического пространства индустриальной эпохи, ведущие соответствующий образ жизни и обладающие качествами, присущими среднему классу. Кошки Готье — Джойса — Элиота обладают яркой индивидуальностью, незаурядными способностями, живым умом, богатым эмоциональным миром, живут по законам человеческого общества. Это привлекательные, разумные, витальные, цивилизованные индивиды с неповторимыми, эксцентричными характерами (гуморами). Авторы с любовью, восхищением и снисходительно-добродушным юмором относятся к своим героям. Этот тип отношений можно охарактеризовать как сентиментальный, патриархальный, патерналистский, антропоцентричный, социально маркированный.

Ключевые слова

Human-Animal Studies, анималистика, литературная фелинофилия, кошки в литературе и искусстве, Т. Готье, Дж. Джойс, Т. С. Элиот.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

Введение

Анималистические образы в искусстве являются такими же древними, как и само искусство. Анималистическая художественная традиция непрерывно развивается от первых наскальных рисунков и устных рассказов о животных до постмодернистской «кошачьей» рефлексии Чарльза Буковски и актуальных интернет-мемов. Уже в поэмах Гомера представлено многообразие анималистических ракурсов, начиная с простого упоминания животных как части окружающего реального мира («псы празднобродные» в первых стихах «Илиады») и заканчивая образами мыслящих, чувствующих и даже разговаривающих «друзей человека» (кони Ахиллеса, Балий и Ксанф; пес Одиссея, Аргус). Образы гомеровских животных вполне могут быть проблематизированы как объекты современных междисциплинарных исследований *Human-Animal Studies*, посвященных изучению взаимодействия человека и животных.

В своем подробном обзоре новейших работ по экокритике латышская исследовательница Каролина Гансовская отмечает: «*Human-Animal Studies* пытаются ответить на множество вопросов об отношениях человека и животных: как человек может понять чувства других животных и найти с ними общий язык; как система взглядов человека на пол и расу влияют на восприятие при чтении литературы, связанной с темой животных; какова взаимосвязь между научной культурой и человеческими способами понимания и соотнесения себя с другими животными?» [3]. Представляется интересным применить некоторые элементы этой методологии к литературной анималистике прошлых эпох, что позволит

расширить наши представления о ней и обозначить новые исследовательские ракурсы (о новых «пост- и трансгуманистических» методологических подходах см., например, статью «„Немножко лошади“: антропологические заметки на полях анималистики» В. Ю. Михайлина и Е. С. Решетниковой [9]).

С точки зрения «больших данных» (“*big data*” истории всемирной литературы), для каждой литературной эпохи характерны те или иные модели литературной анималистики со своими смысловыми акцентами и символикой, типами коммуникации «человек — животное», жанровыми предпочтениями (сказки, басни, животный эпос и др.) и т. п. Материалом нашего исследования являются литературные тексты, созданные во второй половине XIX и первой половине XX вв. — период, который в истории культуры часто обозначают как «эпоха модерна». Отсутствие эстетической нормативности не отменяет наличия определенных художественных закономерностей, обусловленных общим социокультурным пространством эпохи. Французский писатель и поэт Теофиль Готье (*Théophile Gautier*, 1811-1872) стоит у истоков литературы модерна, а такие классики высокого («интернационального») модернизма, как Джеймс Джойс (*James Joyce*, 1882-1941) и Томас Стернз Элиот (*T. S. Eliot*, 1888-1965), представляют одну из вершин развития этой культурной парадигмы.

Объектами нашего внимания стали тексты, относящиеся скорее к «побочным», маргинальным литературным продуктам, «багателям», как определяет «Популярную науку о кошках, написанную Старым Опоссумом» известная шведская элиотовед Марианн Тормален, автор монографии «Животные Элиота» [22, с. 40]. «Домашний зверинец» (“*Ménagerie intime*”, 1869) Т. Готье, «Копенгагенские коты» (“*The Cats of Copenhagen*”, 1936) Дж. Джойса и «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» (“*Old Possum’s Book of Practical Cats*”, 1939) Т. С. Элиота объединяют не только действующие персонажи, коты и кошки, но и определенные художественные ракурсы, схожие типы взаимоотношений «человек — животное», социальный и культурный контексты, в которых эти герои существуют.

Нами были поставлены следующие исследовательские задачи: выявить общие ракурсы литературной фелинофилии Готье — Джойса — Элиота, рассмотреть исторический контекст, ее породивший, определить особенности анималистики каждого автора. В ходе нашего исследования мы опирались как на историко-литературные работы, посвященные анализу конкретных анималистических образов, труды культурологического характера, а также обращались к опыту структуралистских исследований и идеям нового «постгуманистического» знания, позволяющим по-новому рассмотреть литературную анималистику прошлого.

Результаты и обсуждение

*От средневековой фелинофобии к буржуазной фелинофилии:
культурно-исторический экскурс*

Кошки и коты (*Felis domestica*) в качестве литературных персонажей возникли уже в античной и средневековой литературах, где по большей части были

представлены факультативно как часть окружающего мира и биологические объекты, охотники за мышами, а также как аллегории религиозного и морального порядка (кот с пойманной мышью в средневековых bestiaries символизировал дьявола, ловца человеческих душ). Также кошки упоминаются и как спутники монахов (защитники рукописей от мышей и т. п.) или ведьм, которые легко превращаются в кошек. В сказках, животном эпосе (например, кот Тиберт в «Романе о Лисе»), баснях и т. п. коты обладали волшебными свойствами и представлены как аллегории или «эмблемы».

По мере того, как трансформировался статус кошки в реальной жизни и кошачья суровая полугодовалая «трудовая» жизнь сменялась комфортом и сытостью буржуазного городского быта индустриальной эпохи, коты перемещались из хозяйственных помещений в спальню и гостиную, изгой и «дьявольское отродье» превращались в ласковых домашних любимцев благопристойных граждан. Соответственно менялись культурные стереотипы, а в литературных текстах и живописи появлялись новые образы цивилизованных, разумных и благодушных «фелин».

Одной из первых литературных меток этого нового отношения к кошкам можно назвать сказку «Белая кошечка» (*“La Chatte Blanche”*, 1698) Мари-Катрин д’Онуа (1651-1705), вошедшую во второй том сказок «Новые сказки, или Модные феи». С точки зрения процесса трансформации фелинной образности любопытна также жанровая зарисовка Ж. О. Фрагонара «Урок музыки» (1769), на которой явно влюбленный в свою ученицу учитель наблюдает за игрой очаровательной отроковицы. Белая кошка, прикорнувшая между клавесином и лютней, напоминает своей условностью и некоторым схематизмом bestiaryных котов и может восприниматься как средневековая аллегория эротического желания. Не белая ли это кошечка-невеста д’Онуа, кошка-видение из девических мечтаний приютилась рядом с ученицей как предвестие свадьбы? С другой стороны, дремлющая кошка вполне может восприниматься как часть реального мира, признак обеспеченного и комфортного буржуазного быта, любимица барышни, живущая ее жизнью в хозяйских (а не хозяйственных) покоях. В культурной перспективе фрагонаровский «то ли котик, то ли видение» контрастирует с тщательно прорисованными кошечками бельгийской художницы Генриетты Роннер-Книп (1821-1909) или натурализмом и котоцентризмом знаменитого гигантского полотна «Любовники моей жены» австрийского художника Карла Калера (1855-1906), представляющими живописный апофеоз европейской котомании буржуазной эпохи. Галерея визуальной фелинистики — от стилизованных котов рукописных Евангелий, в которых кошки являются элементом декоративной каллиграфии, до живописных полотен с котами, выписанными во всех подробностях, главными и единственными объектами изображения — наглядное свидетельство того, как росло значение домашних кошек в жизни человека.

Не имеющий практического значения интерес и выстраивание новых бескорыстных и «сентиментальных» отношений между человеком и котом обусловили и новые типы литературной антропоморфности. Не случайно именно кот

как примета нового буржуазного быта является символом бюргерской морали и филистерства у Э. А. Гофмана. Фелинные литературные персонажи, всё органичнее вписывающиеся в уклад городской жизни, наделяются чертами обычного человека, обывателя, при этом почти нивелируются свойства, связывающие их с нечистой силой и колдовством. В какой-то мере сохраняются эротические и мистические ассоциации, но сопутствующая им ранее пугающая хтоническая темная энергия смягчается и сглаживается в процессе этой новой художественной «доместикации».

Стоит отметить, что в реальной жизни эти изменения протекали не без драматических коллизий. Американский историк Роберт Дарнтон в своей книге «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры» обращается к одному из таких «революционных» эпизодов кошачьей истории, перелому в сознании, кодифицирующему кошек как неотъемлемую принадлежность нового буржуазного быта. История печатника Конта, случившаяся в конце 30-х гг. XVIII в., свидетельствует о том, как кошки стали представлять для буржуа большую ценность, чем люди, что вызывало возмущение простолюдинов: «Перебивая хребет „серенькой“, они, с одной стороны, обзывали супругу хозяйина ведьмой и шлюхой, а с другой — превращали хозяйина в дурака-рогоносца. Это было метонимическое оскорбление, наносимое на уровне не слов, а поступков, и оно задевало за живое, так как кошки были слабостью именно буржуазного образа жизни. Сами работники никогда не держали домашних животных: это было столь же чуждо им, как измывательство над животными было чуждо их хозяевам. Кошки оказались заложниками несовместимых образов жизни, за что бедным животным и доставалось со всех сторон» [6, с. 120]. Устроенное рабочими типографии «кошачье побоище» отразило конфликт двух культур: уходящей, архаической, с жестоким обращением с кошками как символами черной магии и ведовства, дикими ритуалами типа «шаривари», и новой буржуазной городской, индустриальной культуры, в которой домашние животные становятся полноправными домочадцами и воспринимаются как мыслящие и чувствующие существа.

Фелинофилия охватила всю европейскую ойкумену и все социальные слои, хотя по-прежнему была связана преимущественно с городской средой и буржуазным (мещанским) бытом. Московский исследователь О. Л. Довгий (Алиса Львова), составитель научных «бестиарных» сборников и автор многочисленных работ по вопросам литературной анималистики, в своей «бестиарной шутке» (статья «Бестиарий „Графа Нулина“») фиксирует эту перекодировку кошачьей образности на русском материале («Граф Нулин» А. С. Пушкина, 1825, опубл. 1827). «Лукавый кот», как троп (в данном случае зооморфная метафора) и явление повседневного быта, стоит особняком на фоне прочей живности, имеющейся в поэме, простых деревенских животных. Его образ имеет «солидную» культурную кодировку и игровой (и игривый) характер: «Если граф сравнен с котом самим автором, то муж — „баловень служанки“, как ясно из содержания, стало быть, тоже кот» [7, с. 149]. Так, в тексте, выбранном нами произвольно,

представлены культурные стереотипы и метафорика новой эпохи, понятные читателю: кот как домашнее, городское, избалованное существо, наделенное активной сексуальностью и сохраняющее архаические лукавство и коварство (шекспировские аллюзии). К началу XIX в. кот как культурный феномен и литературный персонаж имеет уже богатую историю и художественную родословную. На фоне других анималистических персонажей он породист, цивилизован (почти «европеец», как граф Нулин) и тесно (интимно) связан с человеком и его частной жизнью.

Таким образом, зарождение фелинофилии как социокультурного и художественного феномена связано с конкретной исторической ситуацией и обусловлено значительными социальными и экономическими трансформациями. Важную роль в гуманизации анималистических литературных образов сыграла и зародившаяся во второй половине XVIII в. романтическая чувствительность. Именно этим новым отношением к домашним животным обусловлены процессы психологизации и индивидуализации анималистических образов. В рассматриваемых нами текстах действуют персонажи, соответствующие этой модели взаимоотношений человека и животных. Коты — это сложные «индивидуальности», достойные любви и поклонения, наделенные привлекательными человеческими качествами.

Пик и классика художественной и бытовой фелинофилии, как, собственно, и апология буржуазных семейных и «домашних» ценностей, представлены в викторианской культуре. Яркие фелинные образы и разнообразные кошачьи истории, начиная с котов Льюиса Кэрролла и Эдварда Лира, стали узнаваемыми символами английской культуры (стартовый момент этой британской литературной анималистической эпопеи связан с «Песнями Матушки Гусыни», опубликованы в 1760). В весьма информативной и щедро иллюстрированной книге «Кошки в книгах: славная многовековая история книжной иллюстрации» (*“Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration through the Ages”*), изданной Британской библиотекой в 1997 г. (переиздана в 2008 г.), отмечается, что переход к восприятию кошек как разумных и очеловеченных индивидов способствовал появлению большого количества литературы, в том числе иллюстрированной, героями которой стали «гуманизированные» коты. В частности, последнее десятилетие XIX в. «отмечено бумом обращения к изображению кошек, занимающихся человеческими делами, и формированием направления, развивавшегося в самых различных формах в произведениях таких рисующих писателей, как Беатрис Поттер, Кэтлин Хейл, Грэм Окли» [17, с. 13].

Особо в этом контексте хотелось бы обратить внимание на рисунки английского художника Луиса Уильяма Уэйна (*Louis William Wain*, 1860-1939), которые могли бы сгодиться в качестве конгениальных иллюстраций ко всем заявленным нами текстам. Это именно об Уэйне сказал Герберт Уэллс, что тот «изобрел кошачий стиль, кошачье общество, целый кошачий мир. Английские кошки, которые не походят на кошек Уэйна и не живут их жизнью, должны стыдиться самих себя» [17, с. 78]. Кошки Уэйна учатся в школе, играют в гольф, флиртуют, женятся,

выпивают, картежничают и т. д. Любопытно, что первый художник-иллюстратор элиотовской «Популярной науки о кошках» Николас Бентли (*Nicolas Bentley*, издание 1940 г.) изображает кошачьих персонажей в точно таких «викторианских» шляпах и котелках, какие носили кошки Уэйна. Излишества и издержки этого бума, реального и литературного, охватившего Британские острова, в сатирической форме изображены в рассказе П. Г. Вудхауса, опубликованном в 1936 г., под символическим названием «Всем кошкам — до свидания!» [23]. В русском переводе названия «Кошки, кошки» (перевод Н. Л. Трауберг) эта символика исчезает. Можно отметить, что в определенном смысле Вудхаус обозначает границу очередного поворота культурной истории фелинности и фелинистики.

Felis Catus Sapiens в творчестве Т. Готье и Т. С. Элиота

Кошки Готье — Джойса — Элиота, обладающие яркой индивидуальностью, незаурядными способностями, живым умом и богатым эмоциональным миром, живущие по законам человеческого общества, естественно вписываются в «буржуазную» модель бытовой и художественной фелинофилии. Отношение всех авторов к кошачьему племени характерно для этого времени и, кроме того, отражает индивидуальную бытовую фелинофилию каждого.

Книга Готье «Домашний зверинец» печаталась в 1869 г. отдельными выпусками в журнале «Парижская мода». Характер издания сразу маркировал текст как чтение развлекательное и несерьезное. Анималистические образы, а также философские рассуждения о животных неоднократно появлялись в литературных произведениях Готье. Но в «Домашнем зверинце» домашние животные становятся главными героями, вокруг которых и формируется особый анималистический нарратив. Занимательные истории о домашних любимцах становятся своего рода романтическим анималистическим манифестом, автор которого утверждает концепцию разумности животных, обладающих душой и внутренней речью. В. А. Мильчина, известный отечественный романист, переводчик книги на русский язык, в своем предисловии очень точно отмечает этот новый тип анималистической «идеологии», противопоставленный предшествующему классицистическому рациональному и дидактическому подходу: «Между тем в рассказах Готье скрывается мысль глубокая и для этого писателя очень важная. Готье был убежден в том, что животные — не машины, не способные ни чувствовать, ни тем более думать (как считал французский философ XVII века Рене Декарт), и что они — конечно, на свой лад — мыслят и даже разговаривают. Зверинные истории, приведенные в книге, именно об этом» [4, с. 7].

В поэтическом цикле «Популярная наука о кошках», написанная старым Опоссумом» Элиота (далее — «Популярная наука о кошках»), мы используем название в переводе А. Сергеева, впервые представленное в сборнике его переводов 1971 г., как уже устоявшееся в отечественном культурном контексте, что не означает негативного отношения к другим переводам этого заглавия) эта романтическая традиция очеловечивания домашних животных предстает уже в несколько «уставшем» и сниженном виде, что объясняется в числе прочего

и тем, что первоначально адресатами стихов были дети. Свою роль сыграло и обращение к национальной английской традиции, в которую органично вписывается элиотовские тексты. Это забавные, эксцентричные, порой на грани абсурдизма, детские стишки (*nursery rhymes*), лимерики и поэзия нонсенса Эдварда Лира [5].

Цикл «Популярная наука о кошках» впервые был опубликован в Англии 5 октября 1939 г. Еще весной 1936 г. книжка была проанонсирована издательством «Фэйбер энд Фэйбер»: «Книга мистера Элиота о собаках-полликах и кошках-джелликах, как она была поведена ему человеком в белых гетрах» [16, с. 251]. Супруга поэта Валери Элиот в связи с появлением мюзикла «Кошки» Э. Л. Уэббера уточнила историю публикации: «По первоначальному замыслу в сборник должны были быть включены стихи на соответствующие темы... декламируемые человеком в белых гетрах... В конце все улетали на воздушном шаре — поэт, Гетры, кошки и собаки» [19, с. 8]. Большая часть стихов была написана между 1936 и 1938 гг. специально для детей из семейств Фэйберов и Морли (друзей поэта). Валери Элиот называет крестников Элиота, Тома Фэйбера и Элисон Тэнди (у Элиота было четверо крестников), «музами» старого Оппоссума. Так же, как и в случае с «Домашним зверинцем» Готье, впоследствии произошло расширение читательской аудитории, и популярность этих «маргинальных» текстов порою выше, чем у «программных» произведений.

На первый взгляд, может показаться, что «Домашний зверинец» Готье и «Популярная наука о кошках» Элиота — это произведения, никак между собою не связанные, хотя бы потому, что они относятся к разным литературным направлениям, родам и жанрам. У Готье, которого числят среди поздних романтиков, — проза, а у модерниста Элиота — поэзия, и общим между ними является лишь то, что их главные герои — животные, большинство из которых представлено семейством кошачьих. Но на самом деле выбор нами именно этих авторов для сопоставления не случаен. Элиот с глубоким почтением относился к творчеству Готье и воздавал дань уважения французскому мастеру в своих критических работах и поэзии: «Если стремишься понять суть поэзии, необходимо чтение Сафо, Катулла. Вийона, когда он в своей стихии, Готье, пока он не становится ужасающе холоден, или же, для не владеющих языками, — чтение добряка Чосера» [14, с. 456]. Известный исследователь английской поэтической традиции О. И. Половинкина в статье «Некто Гришкина из стихотворения Т. С. Элиота: Поэтическое впечатление о „Русских сезонах“» приводит пример заимствования Элиотом у Готье в стихотворении «Шепотки бессмертия» структуры поэтического произведения (две части по четыре четверостишия) из стихотворения «Костры и могилы» (сборник «Эмали и камеи», 1858) [11, с. 230], а сама Гришкин (*Grishkin*) чем-то напоминает Кармен Готье. Оба автора виртуозно контаминируют элементы разных культурных эпох, смешивают разные временные пласты, современность и прошлое и т. п.

Следует добавить и уточнить, что фелинность Гришкин скорее бодлеровского свойства. Широко известный анализ сонета «Кошки» Романа Якобсона

и Клода Леви-Стросса вполне может служить одним из ключей к пониманию образа Гришкин: «для Бодлера образ кошки теснейшим образом связан с образом женщины, на что эксплицитно указывают два стихотворения из того же сборника, озаглавленные „Кошка“ и „Кот“, а именно сонет « Viens, mon beau chat, sur mon cœur amoureux », где содержится много объясняющий стих: « je vois ma femme en esprit... », а также стихотворение: « Dans ma cervelle se promène... un beau chat, fort, doux », где прямо ставится вопрос: « est-il fée, est-il dieu? » [15, с. 253]. Якобсон и Леви-Стросс также отмечают имеющийся в бодлеровских «Кошках» мотив «колебания» между мужским и женским. Если абстрагироваться от сложных вопросов, связанных с поэзией Бодлера, и вернуться к истокам литературной фелинистики Нового времени (термин «фелинистика» мы используем по аналогии с понятием «анималистика» как обозначение совокупности литературных текстов, главными героями которых являются кошки), то в сказках Шарля Перро и мадам д’Онуа представлены как мужской (Кот в сапогах), так и женский (Белая кошка) типы. Известно, что свои сказки д’Онуа опубликовала как «ответ» на появление «Сказок Матушки Гусыни» Перро. С тех пор этот гендерный паритет (кот — кошка) сохраняется на протяжении всей художественной фелинистической традиции.

Очевидно, что у Бодлера сохраняется (реанимируется, реконструируется) «добуржуазный», средневековый тип фелинности, что связано, в том числе, с его мировоззренческими принципами. Очень подробно этот аспект анализируется в статье «Образ кошки и символика зла в стихотворениях Ш. Бодлера» московской исследовательницы О. В. Альбрехт: «вокруг образа кошек у Бодлера образуется своеобразное семантическое поле: темнота, глубина, свечение, чувственность, холод, опьянение» [1, с. 13]. Этой темной архаической сексуальностью помимо «русской» Гришкин наделены также такие «фелинные» героини эллиотской поэзии, как Рашель, урожденная Рабинович («Суини среди соловьев», 1918), и Фреска (*Fresca*) из неопубликованных фрагментов «Бесплодной земли», 1922 г. (там же в черновиках встречается забавная зооморфная фамилия “*Katzegg*”, леди *Кошачьейцо*, патронесса веселых дам). Это свидетельствует о том, что архаическая концепция фелинности продолжала культивироваться в поэзии модерна и в определенной степени связана с антибуржуазным пафосом поэтического мейнстрима декаданса и с сознательным возрождением архаических начал искусства у модернистов и т. п.

Любопытно проявляется гендерный расклад и у Элиота: в серьезной поэзии фелинность связана с женским началом, в поэзии, написанной в традициях нон-сенса, количественно доминируют коты. Добавим также, что в серьезной поэзии наиболее ярким мужским зооморфным типом является гориллообразный Суини. Если обратиться опять же к архаической символической, то легко заметить, что в средневековых bestiaries обезьяна и кошка часто изображаются вместе как образы порока и чувственности. Эта парочка затем переходит, символизируя грехи, в ренессансные живописные полотна, изображающие грехопадение Адама и Евы (например, на картине голландского художника Корнелиса ван Харлема

«Грехопадение», 1592, на заднем плане, сразу за Адамом и Евой изображены обнимающиеся обезьяна и кошка). Зная художественную эрудицию Элиота, нельзя исключать сознательное обращение поэта к средневековой и ренессансной символике в стихотворениях 1910-20-х гг. В целом вопросы зооморфной кодировки, фелинной образности и метафоричности в «серьезной» поэзии Элиота заслуживают специального рассмотрения (очень репрезентативный обзор и анализ данной проблемы имеется в главе «Кошки» уже упомянутой выше монографии «Животные Элиота» М. Торвален, которая оставляет «Популярную науку о кошках» за рамками своего исследования).

Не вдаваясь в подробности, можно заметить, что как домашние, так и «большие» кошки в творчестве Элиота существуют в разных эстетических парадигмах и под разными ракурсами. В данной работе мы рассматриваем только один из них, хотя и весьма существенный: комическая стихия в духе литературы нонсенса развивалась в творчестве Элиота, начиная с ранних стихов, представленных в сборнике «Инвенции мартовского зайца». Разные подходы к разработке фелинной образности отражают различные стороны творческой личности поэта: консерватор («роялист», «англо-католик» и респектабельный буржуа в быту) — новатор, «революционер» в искусстве; глубокий знаток метафизической поэзии — любитель мюзик-холла и низовой, популярной культуры своего времени и т. п. Многообразие анималистических ракурсов также объясняется разнообразием литературных традиций, на которые ориентировался поэт.

Очевидно, что и Готье, и Элиот относятся к животным с любовью и уважением, они воспринимают кошек как существ, способных мыслить и выражать свои эмоции и чувства. «Домашний зверинец» Готье является по сути автобиографическим произведением, где автор рассказывает забавные и трогательные истории о своих домашних питомцах. Из биографии Элиота нам также известно, что на протяжении всей жизни в его доме жили животные, и в основном это были представители семейства кошачьих. Элиот придумывал им оригинальные и замысловатые имена, и они нередко становились прототипами героев его произведений. Общим местом стало уже упоминание о том, что Генри Уэр Элиот (*Henry Ware Eliot*), отец поэта, любил рисовать котиков, а на обложке первого издания «Популярной науки» (1939) резвятся и танцуют кошки, нарисованные самим автором стихов.

И Готье, и Элиот со знанием дела «рисуют» портреты кошек, представляя их внешние и внутренние характеристики. Это свидетельствует о важности для обоих авторов феномена «гумора» (итал. *umore*, англ. *humor*, лат. *humor* — влага.). Понятие «*humor*» (*humour*) используется в современном английском языке в значении «темперамент» и имеет глубокие исторические корни. С древних времен человечество делало попытки типологизировать личность относительно ее взаимодействия с окружающим миром. В эпоху Возрождения понятие «гумор» обозначало определенный темперамент персонажа в комедийном жанре: «характеры, демонстрирующие один из четырех темпераментов — сангвинический, флегматический, холерический и меланхолический» [18, с. 24].

Кстати, в культуре Ренессанса кошки были зооморфным соответствием холерического темперамента, например, в знаменитой гравюре Альбрехта Дюрера «Адам и Ева в раю» (1504) кот, как считают интерпретаторы (в частности, Э. Панофски), символизирует гордость и жестокость, свойственные холерическому темпераменту. В данном случае понятие «гумор» мы используем в значении «неповторимый, оригинальный, эксцентричный характер персонажа». Можно с легкостью обнаружить сходные типажи внешности и темпераментов героев, основанные на гуморальной типологии, как в «Домашнем зверинце», так и в «Популярной науке о кошках».

В элиотовском цикле почти каждое из 15 стихотворений посвящено отдельной кошке. Готье же признается в любви к кошкам в трех главах «Домашнего зверинца»: «Старые времена» (старая серая кошка, Хильдебрант, Госпожа Теофиль), «Белая династия» (Дон Пьеро Наваррский, Серафита, Зизи) и «Черная династия» (Анжольрас, Гаврош, Эпонина, Клеопатра), в которых писатель последовательно и детально описывает десять своих кошек и рассказывает связанные с ними истории.

В женских образах кошек у Готье и Элиота можно выявить множество сходных черт. О первой кошке Готье нам известно лишь то, что она была серой и старой и всегда принимала сторону своего юного хозяина, защищая его от его родителей, если те хотели его наказать за какую-либо шалость. Кошка Госпожа Теофиль, рыжая с белой грудкой, голубыми глазами и розовым носом обладала особой трепетностью: «Госпожа Теофиль создание нежное и деликатное, обожала благовония. Она приходила в экстаз от пачулей или кашмирского ветивера» [4, с. 32]. Она также очень любила музыку, но была крайне чувствительна к верхним нотам, которые выводили ее из себя.

Кошка-аристократка Серафита, элегантная и утонченная, «имела характер мечтательный и созерцательный» [4, с. 38]. Она отвечала на ласки только тем, кого считала достойными своего уважения. Серафита была равнодушна к духам, флаконам с эссенциями, благоухающим букетам цветов и носовым платкам, источающим запах парфюма. По мнению автора, эта кошка точно соответствовала своему поэтическому времени и прекрасно вписывалась в декадентскую парижскую среду. Кошка Эпонина (из династии черных) отличалась изящной и стройной фигурой, она была обладательницей немного вытянутой мордочки и зеленых раскосых глаз: «Мир не знал кошки столь же чувствительной, столь же нервной столь же наэлектризованной» [4, с. 53]. Эпонина была очень общительной, гостеприимной, умной и доброй кошкой. Ее дочь Клеопатра не унаследовала красоту матери, но была очаровательной и скромной.

Стоит отметить, что в «Домашнем зверинце» создается своеобразный одорический колорит, что является, конечно же, приметой эпохи модерна: «„Ольфакторный взрыв“ в литературе рубежа XIX-XX в. носит не количественный, а качественный характер, он является одним из характерных показателей обострения антропологической проблематики в искусстве этого времени, в результате чего произошло смещение акцентов родового содержания лирики в сферу

соматических реакций субъекта» [12, с. 76]. Кошки Готье, подобно женщинам, равнодушны к парфюмерии и благовониям и идеально вписываются в эту тенденцию, будучи по своей природе наделены незаурядно тонким обонянием.

В «Популярной науке о кошках» женских образов кошек гораздо меньше, чем мужских. Они так же, как и любимицы Готье, питают страсть к музыке. Кошка Гамби Пусси-Пестрый-Нос учит мышей вокалу, «джеллейные» кошки превосходно танцуют вальс и гавот и обожают устраивать ночные концерты и балы: «Днем они почти не видны». Прекрасные фелины не любят суеты и избегают какой-либо активности, но ночью всё меняется, они резвы и деятельны: «Джеллейные кошки вертки и прытки, / Они умеют водить хоровод. / И прыгают словно дергун на нитке, / И ловко танцуют вальс и гавот» [13, с. 367]. Английские кошки Элиота, подобно французским, умны, хитры, домовиты и тщательно следят за своим внешним видом.

Что касается мужских образов котов, второй по счету в семье Готье кот Хильдебрант описывается автором как кот романтической эпохи. Рыжеватый с черными полосками и огромными зелеными глазами, беспородный кот напоминал тигра. В поэтическом цикле Элиота можно уловить внешнее сходство Хильдебранта с котом по имени Тигриный Рык (само имя говорит о том, что окрас кота напоминает тигриный). Но по своей природе эти коты представляют абсолютно разные темпераменты. «Тигриный рык — убийца, вор — повсюду сеет страх», и лишь изредка, «умягченный романтическим моментом», «он поддавался сантиментам» [13, с. 363].

Первым представителем династии белых в семье Готье был ангорский кот Пьеро, получивший свое имя за прекрасную пушистую белоснежную шерстку, и которого, когда он вырос, именовали не иначе как Дон Пьеро Наваррский, подчеркивая тем самым его величие. Это был кот-эстет, обожавший книги и интеллектуальные беседы своих хозяев. Ни в одном из котов Элиота не угадывается прямая параллель с Пьеро. Но своей строгостью, стремлением к четкому следованию порядкам в доме и заботой о своем хозяине он немного напоминает кота Шимблшенкса из стихотворения Элиота «Шимблшенкс, железнодорожный кот», который старательно нес дежурство в поезде, заботясь о пассажирах.

К белой династии можно отнести и великолепного ангорского кота Зизи, по прозвищу «слишком красивый, чтобы что-нибудь делать». Он подобен курильщику опиума, который «постоянно пребывает в состоянии созерцательного кайфа» [4, с. 58]. Зизи обожает музыку и часто музицирует, прогуливаясь по клавишам фортепиано. Этот образ у Элиота представляет кот из стихотворения «Толстофер Джон, денди»: «Толстофер Джон — ужасный пижон, / Весь вид его говорит, / Что он держит путь не куда-нибудь, / Но только на Сент-Джеймс-стрит!» [13, с. 381]. Этот кот-гурман всегда одет по последней моде и является завсегдатаем самых пафосных клубов.

Ангорская парочка, Пьеро и Серафита, произвели на свет трех черных котят, которые положили начало черной династии в доме Готье. Поскольку роман «Отверженные» Виктора Гюго был на пике моды в то время, котяткам дали имена

в честь героев романа: Анжольрас, Гаврош и Эпонины (о которой упоминалось ранее). Анжольрас был самым красивым из них. Подстриженный на манер пуделя, он походил на льва или даже химеру: «В повадках его сквозила некая театральная напыщенность; он, казалось, позировал, точно актер, вызывающий восторг публики» [4, с. 50]. Кот Гус из стихотворения Элиота «Гус, театральный кот» напоминает Анжольраса своим пристрастием к актерству. Также можно заметить, что его полное имя Аспарагус созвучно с именем героя французского писателя. На этом, пожалуй, всё их сходство исчерпывается. Элиотовский кот «тощ как скелет, а мех клочковат, / И лапы от старости малость дрожат», хотя «в юности был он — только держись!» [13, с. 379]. У Готье Анжольрас же, в своем преклонном возрасте, растолстел из-за своей страсти к чревоугодию, что его и погубило.

Гаврош — плут и повеса, любящий находиться в обществе бродячих котиков, напоминает сразу двух котиков в «Популярной науке о кошках», Шаромыгу и Разваляху, «уличных акробатов, канатоходцев и дерзких шутов». У Гавроша была забавная физиономия, а движения его были комичны и похожи на пляску простолюдина. Его главной отличительной чертой от элиотовских злостных котопакостников является доброе сердце: «Порой он приводил домой товарищей, которых повстречал, слоняясь по улицам, и делил с этими несчастными, страдающими от истощения и превратившимися в ходячие скелеты, свою еду, ибо он был великодушен» [4, с. 52].

Для создания портретов героев «Популярной науки о кошках» характерен своеобразный антропоморфизм. Элиот легко стирает границы между человеком и кошкой. Что касается животных Готье в «Домашнем зверинце», то, как отметила В. А. Мильчина, они «думают и действуют почти как люди — но при этом они вовсе не похожи на животных из сказок, притчей или басен, они узнаваемые, живые звери с четырьмя лапами и хвостом» [4, с. 15]. По ее мнению, не все коты в литературе антропоморфны, и коты, изображенные Готье, как раз являются тому подтверждением [8].

В нарративной технике анализируемых авторов также можно отметить общие черты. В «Популярной науке о кошках» повествование в основном ведется от первого лица единственного числа: «Мне давно об этом рассуждать надоекло...», «Я расскажу всё как было сначала: ...» [13, с. 365, 373]. А в «Домашнем зверинце» автор ведет повествование от первого лица множественного числа, используя местоимения «нам», «наш», «мы»: «Нас не раз изображали в карикатурном виде...», «В ту пору нам было три года...», «Говорили мы только на гасконском наречии» [4, с. 21, 22]. Но если обратиться к биографии Готье, то становится ясно, что за этими местоимениями во множественном числе скрывается он сам, используя форму, унаследованную из французской журналистики, коей он посвятил большую часть своей жизни. Стоит отметить, что в русском переводе Мильчиной эта особенность сохранена.

Изобилие культурных отсылок, реминисценций и ассоциаций является еще одной характерной чертой «Домашнего зверинца» и «Популярной науки

и кошках». Эти приемы служат своеобразной призмой, через которую авторы смотрят на окружающую действительность. Готье и Элиот активно используют в своих текстах имена реальных людей, образы из художественных произведений, отсылки к историческим событиям. В стихотворении «Макавити — волшебный кот» (“*Macavity: The Mystery Cat*”), рассказывая о коте, которого никак не может поймать Скотланд Ярд, Элиот целенаправленно использует образ профессора Мориарти из рассказов А. Конан Дойла (одного из любимых писателей поэта) о Шерлоке Холмсе. Строка «Я сидел у постели бедняжки Нелл» [13, с. 380] из стихотворения «Гус — театральный кот» отправляет просвещенного читателя (а именно для него пишут Готье, и Элиот) к роману «Лавка древностей» Чарльза Диккенса.

Примеры подобных культурных аллюзий можно встретить буквально на каждой странице «Домашнего зверинца» Готье: упоминания знаменитых художников (Рембрандта ван Рейна и Вильгельма фон Каульбаха), великих поэтов и писателей (Н. Буало, Ш. О. Сент-Бева, Дж. Г. Байрона, А. де Мюссе, О. Бальзака) и др. Готье не только называет фамилии, но и дает отсылки к их произведениям: фраза «Но я иду к другим, и лучшим» взята из романтической драмы «Эрнани» Виктора Гюго (действие 3, сцена 6) [4, с. 110]. Сравнивая своего кота Пьеро с котом Мурром, он упоминает главного героя романа Э.-Т.-А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (1819-1821). Котятам из черной династии достались не только имена главных героев романа Гюго «Отверженные», но и их характеры. Свою кошку Госпожу Теофиль автор сравнивает с пантерой, изображенной на полотне Жана-Леона Жерома (1824-1904), популярнейшего художника Второй империи [4, с. 110].

Коты Готье и Элиота — порождение урбанистической культуры. Город предстает естественным пространством обитания котов. Значимые для авторов топосы постоянно встречаются в текстах. Так, у Готье это Париж, Тарба, Новый мост и т. п. Примером таких культурных топографических «вкраплений» у Элиота является упоминание улицы Сент-Джеймс Стрит (*St. James's Street*), одной из самых фешенебельных и дорогих улиц Лондона. Для англоязычного читателя это название обладает особой смысловой нагрузкой, вызывая ассоциативные ряды, тем самым формируя образ кота-«денди», прогуливающегося по этой улице. Среди топосов кошачьего обитания встречаются Блумсбери Сквер (*Bloomsbury Square*), площадь в одном из старейших районов Лондона, где расположены Британский музей и Британская библиотека, а также традиционно размещаются издательства и модные богемные заведения, Пэлл Мэлл (*Pall Mall*), «парадная» улица, соединяющая Трафальгарскую площадь с королевским дворцом и т. п. Они не только формируют хронотоп текста (респектабельные районы и пригороды Лондона), но и наделяют героев, обитающих в нем, соответствующими социальными характеристиками, привычками, манерами и психотипом. Примечательно то, что многие из этих локаций связаны непосредственно с биографией поэта: неподалеку от Блумсбери Сквер, на Рассел-Сквер, 24, размещалось элиотовское издательство «Фэйбер и Фэйбер», в котором была опубликована

и «Популярная наука о кошках, на Пэлл Мэлл, 71 до сих пор находится Оксфордско-Кембриджский клуб (*Oxford and Cambridge Club*), членом которого был Элиот, и т. п. В определенной степени коты Готье и Элиота ходят по маршрутам, проложенным их создателями.

Абсолютно человеческими являются гастрономические пристрастия и пищевое поведение кошек Готье и Элиота. Они не снисходят до рутинной ловли грызунов, их охотничьи инстинкты проявляются лишь как некие атавизмы. Так, Эпониная ест за одним столом с хозяевами, она «была единогласно возведена в ранг человеческого существа, поскольку очевидно, что ею движет нечто большее, чем инстинкт. Ранг этот дает ей право есть за обеденным столом, как принято у людей, а не на полу из миски, как подобает животным» [4, с. 54-55]. Госпожа Теофиль, наблюдая за попугаем, напоминает чревоугодника, «которого ждет на столе пулярка с трюфелями» [4, с. 30]. Элиотовские коты — тоже отменные гурманы: Гус, театральный кот, не прочь выпить джина, Уходжерри и Хвастохват любят побаловаться бараньей ногой, украденной прямо из духовки, а Толстофер Джон, завсегда у зланных мест, знает, где подают лучшие устрицы, а где «желе из костей кабана». Нельзя не заметить, что вкусы этих котов вполне соответствуют гастрономическим предпочтениям обеспеченного среднего класса. В целом в описании внешности, туалетов и вкусов на кошках Готье и Элиота лежит некоторый налет светскости, кошачьего гламура и «глянца».

*«Копенгагенские коты» Дж. Джойса
как факт литературной фелинистики*

В эту респектабельную и разумную кошачью компанию прекрасно вписываются копенгагенские коты Джеймса Джойса. «Копенгагенские коты» более всего соответствуют предложенному Тормален понятию «багатель». Это действительно литературная «безделица», жанр которой можно обозначить как короткий рассказ. Фелинные образы фигурируют на протяжении всего творчества Джойса (например, кот Леопольда Блума в «Улиссе»), но в «Копенгагенских котах» мы встречаем именно антропоморфные анималистические образы. Данная история не была предназначена для публикации и вряд ли ее создание рассматривалось автором как акт литературного творчества. Это письмо Джойса своему единственному внуку Стивену, отправленное 5 сентября 1936 г. из Копенгагена вместе с «Троянским конем», наполненным сладостями. В отличие от более известного широкой публике рассказа «Кошка и дьявол» (также содержащегося в письме внуку, отправленном 10 августа того же года), в «Копенгагенских котах» нет увлекательного острого сюжета. Джойс решил позабавить внука рассказом о том, что в Копенгагене, в котором он тогда находился по своим литературным делам, раньше не было котов, но с тех пор, как писатель их туда завез, коты стали играть важную роль в жизни города, выполняя работу полицейских. Коты могут помочь старушкам переходить через дорогу, а также проводят целый день в постели, куря сигары, как это делают местные датские полицейские.

Эта история была впервые издана в книжном формате в США в 2012 г. с иллюстрациями известного американского карикатуриста Кэйси Сорроу (*Casey Sorrow*). Имеющейся у нас экземпляр подарочного формата отпечатан на высококачественной бумаге, в суперобложке, представляющей портрет Джойса с чемоданом, из которого торчит кошачий хвост, текст сопровождается забавными рисунками. Страницы не проставлены, как и не указано имя автора предисловия и комментариев. Литературный статус этого текста пока под вопросом, как и проблема законности этой публикации. Но очевидно, что любой новый автограф Джойса имеет огромное значение для исследователей и почитателей его творчества. С точки зрения сферы наших научных интересов, «Копенгагенские кошки» являются еще одним фактом, подтверждающим литературную фелинофилию модернистов.

В отличие от кошки в «Кошке и дьяволе», копенгагенские коты, как и кошки Элиота, антропоморфны. Они курят сигары, переводят старушек через дорогу и едят рыбу, которой так много в Копенгагене. А еще они не похожи на датских полицейских, хотя коты тоже любят поспать, они никогда не употребляют простокваши, которую так любят настоящие полицейские. В оригинале представители правопорядка пьют “*buttermilk*” [21], что обычно переводится на русский язык как «пахта», хотя фуд-блогеры утверждают, что более адекватным соответствием являются «простокваша» или «кефир». Несмотря на малый объем и маргинальный характер этого текста, он, несомненно, представляет интерес как образец того типа литературной фелинофилии, который был представлен выше, и подтверждает те закономерности развития фелинистики модерна, которые были нами уже отмечены.

Выводы

Итак, коты и кошки Готье — Джойса — Элиота имеют много общего, что обусловлено как личной фелинофилией их создателей, так и спецификой культурно-исторического контекста. Кошки модерна — это антропоморфные обитатели урбанистического пространства индустриальной эпохи, ведущие соответствующий образ жизни и обладающие качествами, присущими среднему классу. Это привлекательные, разумные, чувствительные, витальные, добропорядочные, цивилизованные индивиды с яркими, неповторимыми, иногда эксцентричными характерами (*гуморами*). Авторы с любовью, нежностью, восхищением и снисходительно-добродушным юмором относятся к своим героям. Они любят их, как любят женщин и детей, для которых авторы и предназначали эти фелинологические литературные опыты. В категориях современных гендерных и экологических исследований этот художественный ракурс и тип отношений между человеком и животным можно определить как сентиментальный, патриархальный, патерналистский, антропоцентричный, социально маркированный.

На фоне физиологичной и brutальной фелинистики постмодерна (например, коты Чарльза Буковски живут сугубо кошачьей жизнью: дерутся, убивают птиц и друг друга, испражняются и т. п.) кошки Готье — Джойса — Элиота выглядят

домашними, очеловеченными, идеализированными и эстетизированными. Они — скорее явление цивилизации и культуры, а не природы. Тем не менее, несмотря на появление новых форм бытования кошек в постиндустриальном пространстве (колонии бездомных котов, приюты для животных, индустрия кошачьего корма и т. п.), новых типов взаимоотношения между котом и человеком и форм художественной репрезентации (в том числе и виртуальных), современных постгуманистических теорий и т. п., старомодные кошачьи истории и кошки «с человеческим лицом» продолжают привлекать внимание широкой читательской (и не только детской) аудитории. Причины этого незатухающего интереса к «котам-человекам» могут служить еще одним объектом междисциплинарных исследований.

Е. Б. Никитина, одна из ведущих отечественных исследователей в области *Posthuman Studies*, в своем вступительном слове редактора в специальном выпуске журнала «Социология власти», посвященном исследованиям животных, отмечает универсальность, прочность, органичность и неуловимость взаимосвязей людей и животных: «Животные в лабораториях, работники спасательных служб и полицейских отрядов, страдальцы на фабриках и скотобойнях, а также те, „кто делит с человеком диван“, своим онтологическим статусом подчеркивают прочные генетические, эволюционные, биологические, культурные, научные, социальные и другие неуловимые связи, которые человеческие и нечеловеческие существа создавали на протяжении всей своей истории» [10, с. 16]. Литературная анималистика во все эпохи стремилась уловить и образно представить эти таинственные, трудно проговариваемые типы коммуникации и вставить свое, порою легкомысленное, слово в дискуссию о неразумности, монструозности, внеисторичности животных, ставя под сомнение непреодолимость барьеров между человеком и природой: «а теперь / тут / добрых людей с / добрыми глазами / очень мало / зато прекрасные кошки / с великим изяществом / прогуливаются / по переулкам / вселенной» [2, с. 83-84].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт О. В. Образ кошки и символика зла в стихотворениях Ш. Бодлера / О. В. Альбрехт // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2016. № 3. С. 7-13.
2. Буковски Ч. О кошках: сборник / Ч. Буковски; пер. с англ. М. Немцова. М.: Изд-во «Э», 2017. 176 с.
3. Гансовская К. Эколитература и Human-Animal Studies: к проблеме методологии, терминологии и жанровой классификации / К. Гансовская // Scientific Readings of DU. 2019. URL: https://www.academia.edu/40065855/эколитература_и_human_animal_animal_studies_к_проблеме_методологии_терминологии_и_жанровой_классификации
4. Готье Т. Домашний зверинец / Теофиль Готье; пер. с фр., предисл. и примеч. В. Мильчиной. М.: Текст, 2020. 125 с.

5. Данилова Е. А. Поэтический сборник Т. С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная старым Опоссумом» и традиция поэзии нонсенса / Е. А. Данилова, О. М. Ушакова // *Зарубежная литература: Историко-культурные и типологические аспекты: материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 30-летию основания кафедры зарубежной литературы Тюменского государственного университета (18-20 октября 2004 г.)*. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. Ч. 1. С. 70-76.
6. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Р. Дарнтон; пер. с англ. Т. Доброницкой, С. Кулланда. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 378 с.
7. Львова Алиса. Бестиарий «Графа Нулина» / А. Львова // *Бестиарий как ars combinatorica*. Тула: Аквариус, 2020. С. 142-151.
8. Мильчина В. От котов до котиков. Итоги конференции «Кошачьи чтения: коты в мировой культуре» / В. Мильчина // *Горький медиа*. URL: https://gorky.media/context/ot-kotov-do-kotikov/?fbclid=IwAR3LXsrUZ2j8Pzn59IONQgWNnFKAmK7-OQyRDr_w10jj2dDr8CbIPUlrBZU
9. Михайлин В. Ю. «Немножко лошади»: антропологические заметки на полях анималистики / В. Ю. Михайлин, Е. С. Решетникова // *Зверь как символический ресурс. Интерпретация культурных кодов: 2020: сб. трудов по итогам конференции*. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 246-274.
10. Никитина Е. Б. Исследования животных: непослушные заметки по краям / Е. Б. Никитина // *Социология власти*. 2019. № 3 (39). С. 1-30. DOI: 10.22394/2074-0492-2019-3-8-30
11. Половинкина О. И. Некто Гришкина из стихотворения Т. С. Элиота: Поэтическое впечатление о «Русских сезонах» / О. И. Половинкина // *Проблемы современной компаративистики* / [сост. Е. Луценко, И. Шайтанов]. М.: Журн. «Вопросы литературы», 2011. С. 230-241.
12. Рогачёва Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики: монография / Н. А. Рогачёва. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. 404 с.
13. Элиот Т. С. Практическое руководство по котам и кошкам / пер. А. Сергеева // Элиот Т. С. Бесплодная земля; Поле люди: поэмы, стихотворения, пьесы / Томас Стернз Элиот; пер с англ. и фр. М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2019. С. 360-388.
14. Элиот Т. С. Эзра Паунд: его стих и поэзия / Т. С. Элиот // *Избранное: Религия, культура, литература*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 442-465.
15. Якобсон Р. «Кошки» Шарля Бодлера / Р. Якобсон, К. Леви-Стросс // *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, 1975. С. 231-255.
16. Ackroyd P. T. S. Eliot. A Life / P. Ackroyd. New York: Simon and Schuster, 1984. 400 pp. + ill.
17. *Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration Through the Ages*. London: The British Library, 2008. 112 pp.
18. Danziger M. K. An Introduction to Literary Criticism / M. K. Danziger, W. S. Johnson. Boston: D.C. Heath and Company, 1961. 353 pp.
19. Eliot V. E. Apropos of “Practical Cats” / V. E. Eliot // *Cats. The Book of the Musical*. San Diego; New York; London: A Harvest/HBJ Book: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1983. 112 pp.

20. Eliot T. S. *Old Possum's Book of Practical Cats* / T. S. Eliot // Ricks Ch. *The Poems of T. S. Eliot. Volume II. Practical Cats and Further Verses* / Ch. Ricks, J. McCue (eds.). London: Faber and Faber, 2015. Pp. 5-35.
21. Joyce J. *The Cats of Copenhagen* / J. Joyce. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi: Scribner, 2012. 32 pp.
22. Thormahlen M. *Eliot's Animals* / M. Thormahlen // *Lund Studies in English* 70. Lund: C W K Gleerup, 1984. 197 pp.
23. Wodehouse P. G. *Goodbye to All Cats* / P. G. Wodehouse. London: Penguin Random House UK, 2008. 82 pp.

Kristina M. MARSHANIYA¹

Olga M. USHAKOVA²

UDC 821.111

**LITERARY FELINOPHILIA AND ANIMALISTIC PERSPECTIVES
OF MODERNITY (T. GAUTIER, J. JOYCE, T. S. ELIOT)**

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
christy-m@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0218-0079

² Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
olmiva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0656-3774

Abstract

Each literary era is characterized by certain models of literary animalism with their own semantic accents and symbolism, types of communication “man — animal”, genre preferences. The article examines the features of literary felinistics of the Art Nouveau era, identifies the cultural and social causes of artistic felinophilia. As a material for the study there were three texts written in the period from 1869 to 1939, considered both in the wide cultural context of the modern era, and within the boundaries of their time (modern): “Ménagerie intime”, 1869 by Gaultier T., “The Cats of Copenhagen” (1936) by Joyce J. and “Old Possum’s Book of Practical Cats” (1939) by Eliot T. S. In the course of our research, we relied on both historical and literary works devoted to the analysis of specific animalistic images, works of a culturological nature, and also turned to the experience of structuralist studies and the ideas of new posthumanistic knowledge (Human-Animal Studies). The animalistic texts of Gauthier — Joyce — Eliot unite not only the acting cat characters, but also certain artistic perspectives, similar types of human-animal relationships, social and cultural contexts in which their heroes are represented. The feline characters of Gauthier-Joyce-Eliot have much in

Citation: Marshaniya K. M., Ushakova O. M. 2021. “Literary Felinophilia and Animalistic Perspectives of Modernity (T. Gautier, J. Joyce, T. S. Eliot)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 1 (25), pp. 106-127.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

common: they are anthropomorphic inhabitants of the urban space of the industrial era, leading an appropriate lifestyle and possessing qualities inherent in the middle class. Gautier, Joyce, Eliot's cats have a bright personality, extraordinary abilities, a lively mind, a rich emotional world, they live according to the laws of human society. They are attractive, intelligent, vital, civilized individuals with unique, eccentric characters (humors).

Keywords

Human-Animal Studies, Animalism, Literary Felinophilia, cats in Literature and Arts, Gautier T., Joyce J., Eliot T. S.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-1-106-127

REFERENCES

1. Albrecht O.V. 2016. "The image of the Cat and the Symbolism of Evil in the Poems of Sh. Baudelaire". Bulletin of the Literary Institute Named After A. M. Gorky. No. 3, pp. 7-13. [In Russian]
2. Bukowski Ch. 2017. About Cats: Collection. Trans. from English by M. Nemtsov. Moscow: Publishing house "E". 176 pp. [In Russian]
3. Gansovskaya K. 2019. "Eco-Literature and Human-Animal Studies: to the Problem of Methodology, Terminology and Genre Classification". Scientific Readings of DU. https://www.academia.edu/40065855/эколитература_и_human_animal_animal_studies_к_проблеме_методологии_терминологии_и_жанровой_классификации [In Russian]
4. Gautier T. 2020. Home Menagerie. Trans. from French, foreworded and noted by Milchina V. Moscow: Text. 125 pp. [In Russian]
5. Danilova E. A., Ushakova O. M. 2005. "The Poetic Collection «Old Possum's Book of Practical Cats» by Eliot T. S. and Tradition of Nonsense Poetry". Foreign Literature: Historical, Cultural and Typological Aspects: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of the founding of the Department of Foreign Literature of Tyumen State University, October 18-20, 2004, ch. 1. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. Pp. 70-76. [In Russian]
6. Darnton R. 2002. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. Trans. from English by Dobronitskaya T., Kullanda S. Moscow: New Lit. Review. 378 pp. [In Russian]
7. L'vova A. 2020. "Bestiary of «Count Nulin»". Bestiary as ars combinatorica. Tula: Aquarius. Pp. 142-151. [In Russian]
8. Milchina V. From Cats to Kittens. Results of the Conference "Cat Readings: Cats in World Culture". https://gorky.media/context/ot-kotov-do_kotikov/?fbclid=IwAR3LXsrUZ2j8Pzn59IONQgWNnFKAmK7-OQyRDr_w10jj2dDr8CbIPUlrBZU [In Russian]
9. Mikhailin V. Yu., Reshetnikova E. S. 2020. "«Horses a Little»: Anthropological Notes in the Fields of Animal Studies". Animal as a symbolic resource. Interpretation of cultural codes. Proceedings of the conference. Saratov: IC «Science». Pp. 246-274. [In Russian]

10. Nikitina E. B. 2019. "Animal Studies: Naughty Notes Around the Edges". *Sociology of Power*. No. 3 (39), pp. 1-30. DOI: 10.22394 / 2074-0492-2019-3-8-30 [In Russian]
11. Polovinkina O. I. 2011. "Someone Grishkin from T.S. Eliot's Poem: Poetic Impression of «Russian Seasons»". *Problems of Modern Comparative Studies*. Compiled by Lutsenko E, Shaitanov I. Moscow: Journal "Questions of Literature". Pp. 230-241. [In Russian]
12. Rogacheva N. A. 2010. *Olfactory Space of Russian Poetry in the Late 19th and Early 20th Centuries: Problems of Poetics*. Monograph. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 404 pp. [In Russian]
13. Eliot T. S. 2019. "Old Possum's Book of Practical Cats". Trans. by Sergeev A. Barrenland; *Hollow People: Verses, Poems, Plays*. Moscow: Inostranka, Azbuka-Atticus. Pp. 360-388. [In Russian]
14. Eliot T. S. 2004. "Ezra Pound: His Verse and Poetry". *Selected Works: Religion, Culture, Literature*. Moscow: ROSSPEN. Pp. 442-465. [In Russian]
15. Jacobson R., Levi-Strauss K. 1975. "«Cats» by Charles Baudelaire". *Structuralism: "For" and "Against"*. Moscow: Progress. Pp. 231-255. [In Russian]
16. Ackroyd P., Eliot T. S. 1984. *A Life*. New York: Simon and Schuster.
17. *Cats in Books: A Celebration of Cat Illustration Through the Ages*. 2008. London: The British Library. 112 pp.
18. Danziger M. K., Johnson W. S. 1961. *An Introduction to Literary Criticism*. Boston: D.C. Heath and Company.
19. Eliot V. E. 1983. *Apropos of "Practical Cats"*. In: *Cats. The Book of the Musical*. San Diego; New York; London: A Harvest/HBJ Book; Harcourt Brace Jovanovich Publishers.
20. Eliot T. S. 2015. *Old Possum's Book of Practical Cats*. In: *The Poems of Eliot T. S. Volume II. Practical Cats and Further Verses*. Ed. by Ricks Ch., McCue, J. London: Faber and Faber. Pp. 5-35.
21. Joyce J. 2012. *The Cats of Copenhagen*. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi, Scribner.
22. Thormahlen M. 1984. *Eliot's Animals*. *Lund Studies in English* 70. Lund: C W K Gleerup. 197 pp.
23. Wodehouse P. G. 2008. *Goodbye to All Cats*. London: Penguin Random House UK. 82 pp.